

je vois que j'ai exagéré la portée de vos paroles et je vous tends avec la même franchise la main, en demandant un oubli complet de l'incident.

Mademoiselle Meisenbug...

Перевод:

⟨Ницца.⟩ 27 августа ⟨1867 г.⟩

Я вам поистине весьма благодарен за ваше письмо, пересланное из Женевы и полученное мною с некоторым опозданием.

Если я проявил чрезмерную обидчивость, то войдите же в мое положение *. Посвятив всю жизнь единой деятельности, единой идее, единому служению, всем пожертвовав для этого **, — вдруг увидеть, что твои же союзники (я говорю о польшинстве поляков-эмигрантов) обращаются с тобой, как с врагом, и только потому, что ты не сочувствуешь всем их разглагольствованиям. Я видел, что все ваши слова внушены ими и живо чувствовал, что это недоверие не вымышлено мной. От всего сердца принимаю ваше объяснение, вижу, что преувеличил значение ваших слов, и, протягивая вам с прежней искренностью руку, прошу предать полному забвению случившееся.

Мадмуазель Мейзенбург...

Автограф (черновой). ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 134.

ГОТФРИДУ КИНКЕЛЮ

Публикация И. Бе́лявской

Готфрид *Кинкель* (1815—1882) — второстепенный немецкий поэт, профессор; с 1850 г. он находился в эмиграции. Знакомство его с Герценом состоялось вскоре же после приезда последнего в Лондон. В известном памфлете «Великие люди эмиграции» Маркс и Энгельс дали беспощадный анализ политической деятельности Кинкеля. Герцен в «Былом и думах» также оставил, по существу, отрицательную характеристику немецкого эмигранта, хотя и смягченную внешне легкой иронией. Время подтвердило справедливость этих оценок; к началу шестидесятых годов Кинкель уже находился в числе национал-либералов и ярых сторонников политики Бисмарка. Этим, однако, еще не завершилась политическая эволюция Кинкеля. Через несколько лет он снова оказывается в роли противника Пруссии и с преувеличенным усердием нападает на Россию и все русское.

1 августа 1868 г. Герцен, находившийся проездом в Цюрихе, где Кинкель занимал профессорскую кафедру, сообщил Огареву: «С Кинкелем у меня было курьезное столкновение. Он явным образом сам в фальшивом положении — снова anti-пруссак и под влиянием поляков. Поляки нас, должно быть, шельмуют всем на свете. Он меня начал допрашивать о нашей перемене, а сам ничего не читал. Я старался сначала обратить все дело в шутку, но был вынужден написать ему письмо, которого копию покажу. Разумеется, я с ними все сношения перерву» (XXI, 33).

Публикуемое письмо к Кинкелю, очевидно, и является той копией, которую Герцен намерен был показать Огареву.

В 1867—1868 гг. Герцену приходилось не раз выступать в печати по польскому вопросу. Такие выступления диктовались необходимостью опровергнуть те нападки и вымыслы, которые распространяла английская, французская, немецкая и польская печать о России, об издателях «Колокола» и их отношении к польскому вопросу (XX, 45—46). Именно в этой связи Герцен опубликовал в 1868 г. такие статьи, как «Prolegomena» и «Frisant la question polonaise» (XX, стр. 45, 234). В первой статье, которую Герцен рассматривал как своего рода credo издателей «Колокола», дана блестящая критика вырождающейся буржуазной демократии Западной Европы

* Далее зачеркнуто: Всю мою жизнь

** Далее зачеркнуто: ни разу не погрешив, не дав ни малейшего повода к политическому упреку, к недоверию и

и высказана глубокая вера в социалистическое будущее России (которое Герцен ошибочно видел в крестьянской общине); во второй статье с большой убедительностью показано действительное отношение издателей «Колокола» к польскому вопросу, как в период восстания 1863 г., так и после него (XX, 231, 240). Герцен стремился донести до своих читателей и корреспондентов сущность своей деятельности и ее главное направление, указать то место, которое занимал в ней польский вопрос. В своих статьях и переписке Герцен подчеркивал, что для него всегда главным было «русское дело», освобождение русского народа. Этими мотивами вызвано и публикуемое нами письмо.

⟨Цюрих. 31 июля 1868 г.⟩

Monsieur

Je vous ai envoyé hier les №№ du Kolokol que j'ai trouvés chez moi. Dans l'un <d'eux> il y a une exposition générale de notre point de vue — *invariable* [comme il l'était à Londres] (Prolegomena). Dans un autre — nos rapports actuels — à la question polonaise¹ [(à propos de Mieroslavsky)].

J'ai cru nécessaire de le faire par un sentiment très simple d'égard et pour vous et pour moi.

[En venant vous faire une visite de bon souvenir — certes je ne me suis pas attendu à être attaqué]

Je conteste à tout homme sérieux le droit d'inculper des gens qui ont aussi fait leurs preuves et de les attaquer sans les lire — sur des articles de la «Gazette d'Augsburg»² ou sur des *on dit* des ennemis. Je vous prie, après lecture faite, de définir pour vous-même en quoi consiste le *changement* de notre [profession de foi] ligne de conduite, changement si [grand, si fou] notable que vous avez cru de votre devoir — de le dire et d'insister — lorsque passant par la ville que vous habitez je vous ai fait une visite de bon souvenir.

Si je suis en erreur ou non, c'est une autre question, ce que je veux prouver c'est que j'ai prêché mon hérésie depuis le commencement de ma propagande en Occident — c'est à dire depuis 1849 [ce qu'il n'y a pas de changement]

[N'avez-vous jamais entendu de moi à Londres les mêmes choses que vous trouvez dans les feuilles que je vous envoie maintenant]

S'il y a changement — le changement n'est pas de notre côté, mais dans la position entièrement changée par vous. Les grands changements [en Prusse] en Allemagne — pouvaient [vous faire prendre—vous et vos... en général] vous imposer le drapeau prussien pour un drapeau de progrès — tandis que la bannière impériale tachée du sang polonais reste toujours pour nous le symbole du despotisme écrasant et du régime militaire que nous détestons.

[Nous sommes restés fidèles — dans notre haine pour l'empire de Pétersbourg — et encore plus dans notre foi dans l'avenir social du peuple russe. Je vous demande pardon et pour]

Ne m'en voulez pas ni pour la visite, ni pour les commentaires qu'elle a nécessités. Vous devez être d'autant plus indulgent — que ni l'une, ni les autres ne se répéteront pas de longtemps.

Recevez, monsieur, mes salutations les plus distinguées.

Alex. H e r z < e n >

31 Juillet 1868

Hôtel Baur

На обороте рукой Герцена: Kinkel,

Neumünsterhoff, Hirstland, Zürich

Неустановленным почерком: Monsieur N. Ogareff.

493, Petits Philosophes Genève

П е р е в о д:

⟨Цюрих. 31 июля 1868 г.⟩

Милостивый государь,

Я отправил вам вчера те номера «Колокола», которые нашел у себя. В одном из них есть общее изложение нашей точки зрения — неизменной * («Prolegomena»), в другом — наш нынешний взгляд на польский вопрос **¹.

Я счел необходимым сделать это из простого чувства уважения и к вам, и к себе***.

Я не признаю ни за одним серьезным человеком права обвинять людей, зарекомендовавших себя на деле, и нападать, не читая их, — лишь на основании статей «Аугсбургской газеты»² или вражеских *пересудов*. Прошу вас, по прочтении, определить для себя самого, в чем состоит *перемена* нашей линии поведения ****, перемена столь ***** значительная, что вы сочли своим долгом сказать мне об этом — и настаивать, когда, будучи проездом в вашем городе, я зашел навестить вас по старой памяти.

Ошибаюсь ли я или нет—это другой вопрос; я хочу лишь доказать—что я проповедовал свою ересь с самого начала своей пропаганды на Западе, то есть с 1849 г.*****

Если есть перемена, то перемена не с нашей стороны, а в том, что вы совершенно изменили свою позицию. Большие изменения, происшедшие ***** в Германии, могли ***** заставить вас принять прусское знамя за знамя прогресса, тогда как императорский стяг, запятнанный польской кровью, остается для нас попрежнему символом гнетущего деспотизма и господства военщины, ненавидимой нами *****.

Не сетуйте на меня — ни за мое посещение, ни за объяснения, вызванные им. Вы должны быть тем более снисходительны, что ни то ни другое теперь уже долго не повторится.

Примите, милостивый государь, уверение в моем истинном почтении.

Алекс⟨андр⟩ Г е р ц ⟨е н⟩

31 июля 1868 г.

Hôtel Baur

Автограф (черновой). ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 20, л. 106 и об. и ед. хр. 134, лл. 1—2.

¹ Статья «Prolegomena» была написана Герценом осенью 1867 г. (XX, 2, 40, 43). Напечатана в № 1 «Kolokol», от 1 января 1868 г. (XX, 45—68). Вторая статья, посланная Кинкелю — «Frisant la question polonaise» («К польскому вопросу»). Она была написана Герценом в ответ на выступление польского националиста Л. Мерославского, опубликованное в Женеве, в марте 1868 г. (XX, 240). Статья Герцена, датированная 25 марта 1868 г., появилась в № 7 «Kolokol», от 15 апреля 1868 г. Герцен направил Кинкелю номер «Kolokol» с этими статьями в качестве доказательства того, что для него главным являлось «русское дело», что он всегда поддерживал борьбу польского народа за независимость и что позиция издателей «Колокола» в этих вопросах оставалась неизменной.

² «Аугсбургская газета» — «Augsburger Allgemeine Zeitung» — часто помещала статьи с нападками на Герцена и вымыслами о нем.

* *Далее зачеркнуто*: какой она была в Лондоне

** *Далее зачеркнуто*: (по поводу Мерославского)

*** *Далее зачеркнут абзац*: Придя навестить вас по старой памяти, я, конечно, не ожидал, что меня встретят в штыки.

**** *Первоначально было*: нашего символа веры

***** *Далее зачеркнуто*: большая, столь безумная

***** *Далее зачеркнуто*: что нет изменений. Разве вы никогда не слышали от меня в Лондоне то же самое, что найдете в листках, посылаемых мною вам теперь.

***** *Далее зачеркнуто*: в Пруссии

***** *Далее зачеркнуто*: вас заставить принять — вас и ваших... вообще

***** *Далее зачеркнут абзац*: Мы остались непоколебимы в своей ненависти к петербургской империи и еще больше в своей вере в социальное будущее русского народа. Прошу у вас прощения и за